

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АРТУРА КАУФМАННА

А. В. СТОВБА*

Стовба Алексей Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Статья посвящена жизни и творчеству известного немецкого философа права Артура Кауфманна. При этом его философия права рассматривается в контексте так называемого «Ренессанса естественного права», т. е. работ В. Майхофера, Э. Вольфа, Р. Марчича, Э. Фехнера и ряда других немецких мыслителей. На основе анализа динамики философско-правовой проблематики сочинений мюнхенского правоведа предпринимается попытка осветить основные этапы эволюции его мышления. В частности, выделяются «неокантианский» (основанный на разделении сущего и должного), «экзистенциальный» (базирующийся на дифференциации эссенции и экзистенции), «герменевтический» (когда в центре находятся проблемы понимания и герменевтического круга) и «антропологический» (связанный с реляционной логикой и концептом правовой персоны) периоды его философии. Проводится краткий обзор его основных сочинений, а также критический анализ работы А. Кауфманна, специально переведенной

для настоящего номера журнала. Особый акцент при этом ставится на том, что мысль немецкого правоведа не представляет собой догматического развития одной идеи, но является непрерывной творческой трансформацией способов подхода к феномену права. В результате делается вывод, что А. Кауфманн стремился отыскать «третий путь» к осмыслению права, который бы выводил за пределы как правового позитивизма, так и естественно-правового учения. Право при этом мыслится немецким философом не как статичная норма либо идея, но как динамичное, изменчивое отношение между конкретной ситуацией и общей нормой. В заключение проводятся параллели между динамическим правовопониманием, характерным для некоторых представителей современной правовой «неклассики» (И. Л. Честнов, А. В. Стовба, А. В. Поляков, В. А. Четвернин, С. И. Максимов, Ю. Е. Пермяков), и философско-правовыми построениями А. Кауфманна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: онтология права, герменевтика, герменевтический круг, правовой позитивизм, юснатурализм, Ренессанс естественного права, реляционная логика, правовая персона.

* Stovba Aleksey Vyacheslavovich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of theoretical and practical philosophy of V. N. Karazin Kharkiv National University.

E-mail: stovba34@mail.ru

© Стовба А. В., 2013

STOVBA A.V. LIFE AND WORK OF ARTHUR KAUFMANN

The following article is dedicated to the life and work of the famous German legal philosopher Arthur Kaufmann. His philosophy of law is considered not as a separate phenomenon, but as a part of the so-called "Reneissance of the natural law" which includes the works of W. Maihofer, E. Fechner, E. Wolf, R. Marcic and some other German philosophers of law. Based on the analysis of the dynamics of the legal-philosophical problematic of A. Kaufmann, the author attempts to highlight the basic periods of the evolution of his thought. Thus, it is possible to differentiate four main periods of his legal philosophy: the neo-Kantian one (based on the dichotomy between the Being and the Ought), the existential one (based on the difference between the essence and the existence), the hermeneutical one (when the researched problems shift to the legal understanding and hermeneutical circle in law), and the anthropological one (which is connected with the relational logic and the concept of the legal person). The article includes a short review of the main works of A. Kaufmann, as well as a critical review of his work translated for the purpose of this issue. It's necessary to underline that the legal thought of the German philosopher is not just a dogmatic way of one thesis, but is a permanent transformation of the possible approaches to the phenomenon of law. It is reasonable to make a conclusion that A. Kaufmann tries to find "the third way" to the reasoning of law which leads beyond the limits of both positivist and natural law traditions. The German researcher tries to understand law not as a static idea or norm, but rather as a dynamic, changeable relation between a general norm and a concrete situation. In conclusion, the author makes the parallel between the dynamic understanding of law presented by the some legal scientists of the contemporary "legal non-classical" doctrine (I. L. Chestnov, A. V. Stovba, A. V. Polyakov, V. A. Chetvernin, S. I. Maximov, Yu. E. Permyakov) and legal-philosophical constructions of A. Kaufmann.

KEYWORDS: ontology of law, hermeneutics, hermeneutical circle, legal positivism, jus naturalism, Reneissance of the natural law, relational logic, legal person.

Немецкий философ права Артур Кауфманн (10.05.1923 — 11.04.2001) — один из самых выдающихся правоведов второй половины XX в. К сожалению, на постсоветском пространстве его личность и его произведения почти неизвестны.¹ Поэтому в настоящей статье будет кратко изложен творческий путь А. Кауфманна и предложен небольшой комментарий к основным положениям его философии права.

Артур Кауфманн родился в семье политика Эдмунда Кауфманна. В 1941 г. он поступил в университет, где решил изучать физику и математику, но был мобилизован. После возвращения с войны А. Кауфманн осознал, что для постижения смысла ужасных событий нацизма и Второй мировой войны следует обратиться к гуманитарным наукам. Как отмечал сам немецкий правовед, девизом для всего его поколения стало известное высказывание К. Яспера: «То, что я еще жив, является моей виной».²

В поисках ответов вернувшийся с фронта немецкий студент обращается к наиболее выдающимся мыслителям своего времени, с которыми

---

¹ Из первоисточников русскому читателю знакома лишь одна небольшая его работа: Кауфманн А. Онтологическая структура права // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. С. 151–174.

² Kaufmann A. Fuenfundvierzig Jahre erlebte Rechtsphilosophie // *Archiv fuer Rechts und Social Philosophie*. Beiheft 44 / hrsg. R. Alexy, R. Dreier u. U. Neumann. Stuttgart, 1991. S. 145.

он мог общаться лично. Его мысль испытала влияние экзистенциализма (К. Ясперс), герменевтики (Х.-Г. Гадамер), антропологии (К. Левит). Некоторое время А. Кауфманн находился и во Фрайбурге, где слушал М. Хайдеггера, но ему показалось, что за сложными формулировками немецкого титана не стояло ничего, кроме произвольной игры со словами (впоследствии, правда, он изменил свое мнение).³ Однако решающим событием в его жизни стала встреча в 1946 г. в университете Гейдельберга с выдающимся философом права Г. Радбрухом. Как известно, после Второй мировой войны аргументация этого немецкого правоведа была направлена против правового позитивизма, создавшего теоретическую основу для формальной законности нацистских преступлений.⁴ Таким образом, основной задачей Г. Радбруха стал поиск такого онтологического правового фундамента, который бы мог поставить границы для произвола на законодательном и судебном уровнях. Это движение, направленное на преодоление правового позитивизма, впоследствии приобрело название «Ренессанс естественного права».⁵

Подобно гениям Возрождения, которые пытались преодолеть ограничения, наложенные католической доктриной на свободное движение мысли, такие выдающиеся немецкие правоведы, как В. Майхофер, Р. Марчич, Э. Фехнер, Е. Вольф, Г. Гуссерль и др., стремились вывести право за рамки закона, ответив на вопрос: как может существовать не ограниченное законом право, которое при этом является не «голой идеей» классического юснатурализма, а чем-то более конкретным: «природой вещей», «структурой логики фактов», «предданной институцией»? Весомый вклад в изучение этой проблемы внес и А. Кауфманн, работая одновременно судьей в суде города Карлсруэ и заменяя К. Энггиса в Гейдельбергском университете.

В своей первой небольшой работе «Естественное право и историчность» (1957) А. Кауфманн сформулировал ряд положений, которые впоследствии стали программными для его философии.

1) Правовой позитивизм и классическое естественное право являются односторонними подходами, первый из которых акцентирует внимание на форме права, а второй — на его содержании. Поэтому следует искать «третий путь» к сущности права.

2) С одной стороны, право (его конкретная форма и содержание) является исторически обусловленным; с другой — существуют «вневременные» правовые принципы, которые являются «сверхпозитивными», однако абстрактными, а следовательно, непригодными для практического применения.

3) Право и закон не одно и то же. Закон является нормой (должным) для множества конкретных ситуаций; право же — «фактическим соответствием» конкретных жизненных обстоятельств (бытия) нормам закона.

³ Ibid. S. 145.

⁴ Так, например, в ответ на знаменитую «формулу Бергбома» («Самый гнусный закон обязателен, если он формально корректен») Г. Радбрух, увидевший за годы нацизма, к чему привело такое правопонимание, создал не менее знаменитую формулировку: «То, что по формальным признакам кажется законом, следует считать несправедливым законом, а потому должно поступиться справедливости». Подробнее см., напр.: *Бигун В. С. Густав Радбрух — видатний німецький філософ права // Проблеми філософії права. Т. 2. 2004. С. 42 и далее.*

⁵ Термин «Ренессанс естественного права» введен в русскоязычный обиход еще В. А. Тумановым (*Туманов В. А. Критика современной буржуазной теории права. М., 1957. С. 63–64.*)

Следовательно, правоприменение не чисто дедуктивный процесс — от общей нормы к частному случаю, а встречное «приведение в соответствие» нормы и конкретной ситуации.

4) Тем самым абстрактные правовые принципы («каждому свое», «категорический императив» и т. п.) во время правоприменения конкретизируются в зависимости от обстоятельств, а потому теряют свою общую значимость.

5) Право осуществляется в виде ступенчатого порядка, от абстрактно-общих правовых принципов через конкретно-общие, формально положительные нормы к конкретному, материально-позитивному праву. Но подобный процесс (законодательство, правосудие и т. д.) не является исключительно дедуктивным. Как законодатель должен учесть все возможные случаи применения соответствующего закона, учитывая их в акте создания нормы, так и судья при решении дела должен принять во внимание все особенности реальной ситуации, чтобы достичь верного решения дела. Поэтому процесс осуществления права является смешанным, индуктивно-дедуктивным.

6) Познание права не является монологическим актом, а происходит в коммуникативном историческом процессе, цель которого во всяческой дивергенции найти конвергенцию как решающий критерий истины.⁶

Следующим «знаковым» трудом немецкого философа права стала «Онтологическая структура права» (1962). Учитывая то, что она уже переведена на русский и подробно прокомментирована,⁷ остановимся очень кратко на ее содержании. Исходя из тезиса Сартра о «существовании, которое предшествует сущности», А. Кауфманн утверждает, что правовой позитивизм абсолютизирует существование права, в то время как естественно-правовой подход — его сущность. Поэтому надо искать право в единстве его сущности и существования, которые вместе и составляют онтологическую структуру права как сущего.⁸ Такое единство существует не в законе и не в конкретном случае самом по себе, но в решении конкретной ситуации. Как пишет сам немецкий правовед: «Закон есть общая норма для множества конкретных случаев, право, наоборот, разрешает ситуацию здесь и сейчас»; «Право не норма, не абстрактная схема для верного поступка, оно, скорее, является самим этим верным поступком, верным решением в конкретной ситуации».⁹

Однако сама «верность» конкретного решения (которая, напомним, не тождественна его «законности»), а также его «соответствие» конкретной ситуации предусматривают предварительную «истолкованность» как обстоятельств конкретного дела, так и нормы, на основании которых в их совокупности в ходе «дедуктивно-индуктивного мышления» принимается «верное решение» — осуществляется право. Поэтому в сферу мысли А. Кауфманна входит герменевтика.

В работе «Аналогия и природа вещей» (1965) немецкий философ права обращает внимание на то обстоятельство, что интерпретации нормы предшествует понимание тех возможных ситуаций, на решение которых она направлена. В свою очередь, осмысление конкретной ситуации как

⁶ Kaufmann A. Fuenfundvierzig Jahre erlebte Rechtsphilosophie. S. 147–148.

⁷ Кауфманн А. Онтологическая структура права. С. 151–174; Словба А. В. 1) Артур Кауфманн: в поисках «целого» права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 144–150; 2) Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков, 2006. С. 108–111.

⁸ Кауфманн А. Онтологическая структура права. С. 156.

⁹ Там же. С. 171–172.

релевантной в правовом смысле предполагает предваряющее понимание права. Это и есть тот герменевтический круг, в который попадает тот, кто стремится постичь случай (часть) и норму (целое). Интерпретация любого из этих членов предполагает предварительное их понимание («предпонимание» по Х.-Г. Гадамеру) и наоборот. Иными словами, когда кто-либо путем языка пытается установить смысл ситуации, он уже должен понимать соответствие, существующее между словами и фактами. Как связаны в праве слова «преступление», «сделка», «волеизъявление» и т. п. и те факты, которые обозначают эти слова? Утрата этой связи вновь открывает путь к произволу позитивизма, когда расстрел будет именоваться «высшей мерой социальной защиты», а увольнение профессора-неарийца (в частности, случай Э. Гуссерля) — «восстановлением в должности профессионального чиновничества». ¹⁰

Необходимость «герменевтического поворота» в философии права А. Кауфманн обосновывает и в своей работе, озаглавленной «Через естественное право и правовой позитивизм к юридической герменевтике» (1975). Немецкий правовед видит в герменевтике возможность превзойти дихотомию бытия (*Sein*) и должного (*Sollen*), господствующую в правовом мышлении со времен Канта и составляющую скрытую методологическую предпосылку как правового позитивизма, так и юснатурализма. ¹¹ Именно это разделение и препятствует целостному осмыслению права как единого феномена, разбивая его на параллельные измерения закона и права, нормы и фактичности, идеи и действительности и т. д. По мнению немецкого философа права, герменевтика эффективное средство разрушения господствующей иллюзии относительно субстантивации права, которая состоит в том, что право существует либо в норме, как ее материальный состав (нем. *Bestand*), либо же в «вещах» или «фактах» (нем. *Sache*), как их скрытая природа. ¹² Вместе с тем упомянутая иллюзия не дает увидеть, что разделение на бытие и должное — это абстракция, не имеющая онтологического воплощения. Право не есть воплощение нормы, но реальное происшествие (нем. *Geschehen*). ¹³ Конкретизируя данный тезис, А. Кауфманн подчеркивает, что право, как уже было сказано ранее, реально осуществляется посредством вхождения лица (судьи, законодателя, обычного человека) в герменевтический круг. Следовательно, деятельность, например, судьи ни в коем случае не представляет собой чистую «категоризацию», простую подстановку «фактов» под «соответствующую норму», но есть творческий акт осуществления (*Verwirklichung*), «происшествия» (*Geschehen*) права в ходе акта понимания. ¹⁴

Итак, можно сделать вывод, что основной методологической проблемой, которую пытался разрешить А. Кауфманн в так называемый

¹⁰ Kaufmann A. Fuenfundvierzig Jahre erlebte Rechtsphilosophie.

¹¹ Kaufmann A. Durch Naturrecht und Rechtspositivismus zur Juristischen Hermeneutik // Juristenzeitung. N 11/12. 13 Juni 1975. S. 337.

¹² Как считает А. Кауфманн, первое из описанных заблуждений разделяют представители нормативизма (как позитивисты, так и юснатуралисты), тогда как второе — сторонники «возрожденного естественного права» (В. Майхофер, В. Гассемер, Г. Гуссерль и т. д.). Подробнее см.: Ibid. S. 338.

¹³ Ibid. S. 339.

¹⁴ Ibid. S. 341. — Под пониманием здесь имеется в виду не «голая аналитика» позитивизма, но осмысление обстоятельств конкретного дела и поиск соответствующего — конкретно-уникального решения, т. е. способ понимающего бытия в герменевтическом круге между частью (делом) и целым (нормой).

«герменевтический период» своего творчества, был уход от трактовки права как содержания нормы, извлекаемого из нее логико-дедуктивным путем, и выход на осмысление права как герменевтически понимаемого из живого исторического языка.¹⁵ При подобном подходе право представляет собой акт связи между случаем и нормой, которая устанавливается понимающим субъектом в ходе их обоюдной интерпретации. По мнению А. Кауфманна, именно в этом — герменевтическом — измерении праву возвращается его «человекомерность», а юрист превращается из функционера в личность.¹⁶

Вместе с тем уход от права как логически верифицируемого суждения о деле на основании нормы требовал формулировки новых критериев его истинности. Мюнхенский философ права постоянно отмечает, что мера верного поступка, решения не является жестко заданной законом, но связана с конкретной ситуацией понимания и действия, в которую вовлечено соответствующее лицо. Однако нельзя не заметить, что немецкий правовед все же не в состоянии предложить ничего более конкретно-определенного. Тем самым герменевтика в своем трансцендентальном аспекте предоставляет возможности языкового понимания вообще, будучи не в состоянии предложить критериев для определения содержательной правильности процесса понимания.¹⁷ Поэтому А. Кауфманн в поисках общезначимого масштаба правильности решения либо поступка приходит к убеждению, что герменевтику следует дополнить «реляционной логикой», т. е. логикой отношений, которую разрабатывал выдающийся американский философ Ч. Пирс. Аппликации логики отношений на сферу права посвящена работа А. Кауфманна, перевод которой предлагается читателю в этом номере журнала. Ход мысли немецкого правоведа состоит в следующем.

Он считает, что путь к ответу на указанные выше вопросы лежит в плоскости онтологии права. Однако под онтологией не следует понимать «классическое» учение о субстанции. На место субстанции могут быть поставлены структура, отношения и т. п. Поэтому, согласно гипотезе немецкого ученого, ответ на вопрос о критерии истины в праве способна дать логика отношений Ч. Пирса.

Таким образом, право локализовано между нормой и случаем. Можно предположить, что право не что иное, как отношения, реляция между нормой и конкретной ситуацией. Такая реляция не является ни дедукцией, ни индукцией. Вслед за Ч. Пирсом А. Кауфманн указывает, что специфику подобного отношения возможно описать через абдукцию, «вероятностный силлогизм». Другими словами, если предположить определенное положение вещей, следует рассмотреть возможные его последствия. Этот подход очень плодотворен для права, поскольку любая норма направлена не на конкретную, но на вероятную ситуацию. В то же время любая норма есть тот смысловой стержень, на который мы можем нанизать все разнообразие подобных случаев. Поэтому абдукция является тем «третьим путем», который помогает избежать «дедуктивно-индуктивной правовой дилеммы»: отталкаться от нормы («континентальное правопонимание») или от фактов («англо-саксонский» вариант)?

Однако вероятность для права допустима только на уровне законодательства. Ведь уже судебное решение не имеет права быть «вероятно

¹⁵ Ibid. S. 339.

¹⁶ Ibid. S. 341.

¹⁷ Kaufmann A. Fuenfundvierzig Jahre erlebte Rechtsphilosophie. S. 157–158.

истинным», сколь решается человеческая судьба. Поэтому А. Кауфманн делает вывод, что правом являются не любые («вероятные»), а только «истинные» отношения между нормой и случаем. «Отношение “П” (право) является отношением между X (делом) и Y (нормой), которое удовлетворительно только тогда, когда высказывание xPy истинно».¹⁸

Однако такой ответ ставит как минимум два новых вопроса. Как существует такое отношение — логически («в голове»), фактически (как общественные отношения), в языке и т. д.? И что является залогом, критерием его истинности?

А. Кауфманн справедливо предполагает, что право как отношение существует не «само по себе», а только «через» людей. «Правового человека» он именуется «персоной». Соответственно взглядам немецкого правоведа с точки зрения права «лицо» является совокупностью всех правоотношений, участником которых оно является.¹⁹ Таким образом, бытие права осуществляется во взаимоотношениях персон и не существует вне их. Но и сама персона представляется собой совокупность отношений. Следует подчеркнуть, что речь идет не о «чисто интеллектуальном» созерцании определенных лиц «как персон права». Немецкий правовед подчеркивает, что лицо — это не субъект и не объект; оно реляционно, динамично, исторично. Персона — это не определенное состояние, наоборот, это событие, действие. Аналогичным образом и право не является простой совокупностью правил: оно «происходит» в персональных «отношениях». Если этого нет, мы, вероятно, имеем законы, но не право. Право входит в экзистенцию посредством деяния.²⁰

Статус лиц как персон конституируется их взаимным признанием. Поскольку «одно» лицо невозможно, персоны конституируют друг друга в актах обоюдного признания, которые имеют место при всяком фактическом «вступлении в правоотношение». Поэтому отношения являются правовыми в том случае, когда происходит упомянутое взаимное встречное признание персон. И наоборот, в случае отсутствия этого мы имеем не персон, а простую совокупность людей и связей между ними.

Итак, надлежащим критерием истинности, «правильности» отношений между нормой и случаем, которые имеют место в бытии людей как персон, немецкий правовед считает установление того, происходит при этом акт взаимного признания или нет. Иными словами, любое отношение между нормой и случаем является истинным (т. е. правом), когда лица, осуществляющие это отношение через собственные поступки, признают друг друга и, следовательно, являются персонами. Поэтому возможность осуществления права укоренена в возможности человека быть персоной, т. е. вступать в отношения с другими на основе взаимного признания. Идея права, резюмирует А. Кауфманн, есть идея персоны как свойства человека, или она ничто.²¹

Таким образом, можно сделать вывод, что немецкий правовед пытается мыслить право как динамичную, изменчивую, двустороннюю связь между нормой и конкретной ситуацией, осуществляемую во взаимном признании людей как «персон», когда указанное признание является залогом истинности упомянутой связи. Такой подход, действительно, служит

¹⁸ Kaufmann A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations // Law, Interpretation and Reality. Dordrecht, 1990. P. 114.

¹⁹ Ibid. P. 122.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 123.

«третьим путем» между позитивизмом и юснатурализмом. Вместе с тем осмысление права А. Кауфманном вызывает и ряд вопросов, на отдельные из которых следует найти ответ.

Во-первых, кажется, что А. Кауфманн не обосновывает должным образом именно *правовую* предметную сферу в отличие от религиозной, моральной и пр. Но кроме правовой нормы и правовой ситуации существуют еще моральные, религиозные и многие другие социальные нормы и ситуации. Поэтому справедливо предположить, что в одной и той же ситуации может существовать несколько альтернативных, однако в равной степени «верных» решений, которые одновременно предлагают мораль, право, религия, обычай и пр. Так, например, религия может предложить наказать человека посмертно, мораль — простить, право — наказать в этой жизни и т. п. При этом мы не можем априорно сказать, что наказание более верно, нежели прощение, и пр. Ведь понимание того, какое именно (моральное, правовое, религиозное) решение является верным, предполагает осмысление *сущности* соответствующей — всегда конкретной и уникальной — ситуации. Ведь иногда природа и специфика конкретной ситуации может «требовать» неприятия, например, ее правового аспекта в пользу верного решения в пределах морали или религии (как это имеет место в ситуации суда Пилата над Иисусом, который, действительно, совершил преступление против Рима). Поэтому если на место «П» («права») в упомянутой формуле Кауфманна «хПу» поставить «М» («мораль»), «Р» («религию») и т. д., то может оказаться так, что в некоторых случаях право вообще не способно предложить верного решения ситуации (условия, при которых «П» не может быть истинным в принципе). Таким образом, немецкому философу права следовало бы осуществить анализ конститутивных черт именно правовых ситуаций, которые в отличие от ситуаций нравственных, религиозных и др. требуют для своего осмысления именно права, дают так называемый «правовой первотолчок». Подобный подход позволил бы выявить специфику предметной области права и определить легитимное пространство правовых исследований.²²

Во-вторых, вызывает вопросы именно «правовая» идентификация персоны. Ведь когда человек совершает мельчайший «социальный акт» (А. Райнах), он действует как участник не только правовых, но и одновременно экономических, политических, этических и многих других разновидностей общественных отношений. Поэтому возникает вопрос о обосновательной «абсолютизации» именно правового аспекта персоны, поскольку взаимного признания требуют и политические, и экономические, и вообще любые разновидности социальных связей. И не будет ли «произволом» для правоведа говорить исключительно о правовой персоне, пренебрегая ее экономическими, политическими, нравственными и иными аспектами?

В-третьих, А. Кауфманн оставляет без ответа вопрос о том, какую роль играет сознание при осуществлении верного поступка в конкретной ситуации? Ведь если называть правом «истинный» (т. е. адекватный конкретной ситуации) поступок или решение, то следует иметь в виду, что без интеллектуальной составляющей таковые имеют преимущественно *случайный* характер. Разумеется, речь идет не о вульгарном психологизме или позитивно-социологическом анализе «мотивации субъекта правоотношений», а о строгом феноменологическом исследовании сознания,

²² Опыт разработки данных вопросов, а также дополнительную критику позиции А. Кауфманна см.: *Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права*. С. 108 и далее.

в результате которого следует выявить некий «правовой эйдос», *смысловой инвариант конституирования* правового статуса той или иной ситуации. Поэтому, указывая на то, что лицо является совокупностью отношений, в которых оно участвует, А. Кауфманну не лишним было бы остановиться на анализе сознательной составляющей акта признания, с одной стороны, и акта установления «соответствия» нормы и ситуации — с другой, что дало бы возможность выявить их собственно правовую специфику.

Подводя итоги, можно заключить, что в творчестве немецкого философа права можно выделить четыре периода развития его идей: 1) ранний, или неокантианский, когда он находился под влиянием мысли Г. Радбруха и мыслил право в рамках дихотомии бытия и должного; 2) «экзистенциальный», в течение которого А. Кауфманн рассматривал право как процесс взаимоперехода между правовой сущностью (естественным правом) и правовым существованием (позитивным правом); 3) «герменевтический», когда право рассматривалось как сбывающееся внутри герменевтического круга в ходе понимания и интерпретации нормы и конкретной ситуации; 4) поздний период творчества, или «антропологический», когда при помощи релятивной логики право мыслится как отношение между нормой и случаем, залогом истинности которого является акт взаимного признания людей (персон), осуществляющих это отношение.

Следует, однако, отметить, что все указанные этапы правовой философии А. Кауфманна в равной мере характеризует попытка мыслить право не как статичную норму (идею, закон, обычай), но как динамичное, процессуальное отношение между нормой и конкретной ситуацией, которое имеет не просто экзистенциальные либо антропологические, а онтологические корни. Так, даже в конце своей жизни А. Кауфманн в одной из своих работ отмечал, что «кроме бытия естественному праву не может быть дано никакого действительного обоснования».²³

Вместе с тем горизонтом понимания бытия является время. К сожалению, ни сам А. Кауфманн, ни его ученики и последователи не уделили должного внимания разработке темпоральной проблематики в праве, ограничившись анализом историчности, вследствие чего в немецкоязычной правовой мысли сейчас доминирует не герменевтическая, а неокантианская (Р. Алекси) и аналитическая (У. Нойманн) традиции. Поэтому можно констатировать, что, как ни парадоксально, в настоящее время правовая мысль А. Кауфманна находит наиболее аутентичный отклик в современном русскоязычном правоведении, в частности в динамическом

---

²³ *Kaufmann A. Rechtsphilosophie, Rechtstheorie, Rechtsdogmatik // Einfuehrung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. Heidelberg: C. F. Mueller Juristischer Verlag, 1989. S. 14.* – Обращает на себя внимание близость мыслей А. Кауфманна о динамичности права философско-правовым концепциям ряда современных русскоязычных правоведов, принадлежащих к так называемому «динамическому правопониманию» (см. сноску ниже): так, известный украинский философ права С. И. Максимов основывает свою концепцию правовой реальности (в ее динамическом аспекте) на творческой переработке и развитии идей А. Кауфманна, относящихся к «экзистенциальному» периоду его творчества. В свою очередь автор настоящей статьи также частично развивает свои собственные философско-правовые разыскания, основываясь на разработках А. Кауфманна и в полемике с ними. Значительный вклад в распространение идей А. Кауфманна на постсоветском пространстве внес и В. А. Четвернин. Подробнее см.: *Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 175 и далее; Стомба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права. С. 108 и далее; Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М., 1988.*

правопонимании, активно разрабатываемом в настоящее время на пост-советском пространстве.²⁴

---

²⁴ Термин «динамическое правопонимание» был введен мною и опробован в ряде публикаций: *Словба А. В.* 1) Темпоральная онтология права // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск, 2012. С. 33–39; 2) Классическая и неклассическая онтология права: онтология и методология // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск, 2013. С. 58–64; и др. – Данный термин не обозначает какой-то единой «школы» либо «направления», но маркирует некоторые общие тенденции, характерные для работ ряда современных правоведов (прежде всего А. В. Полякова, И. Л. Честнова, С. И. Максимова, Ю. Е. Пермякова, В. А. Четвернина, а также А. В. Словбы и др.). Среди таких общих черт можно назвать отрицательное отношение к реификации права, акцент на социальном характере права, попытку представить право в виде динамического, процессуального феномена (коммуникации — А. В. Поляков, диалога — И. Л. Честнов, события — А. В. Словба и пр.). Подробнее об этом см. предисловие редактора к коллективной монографии: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы* / под ред. А. В. Словбы. Харьков, 2013.